– Вера Степановна! Вы не представляете, какая красота сейчас около вашего дома! Это просто чудо! Помните, с той стороны, где торговый центр, вишня растёт у стены? Она сейчас так цветёт, что я глаз не могла оторвать. Никогда – а ведь сколько хожу здесь! – не обращала, вроде, на неё внимания, а сегодня... сегодня она меня поразила, – с порога начала делиться с хозяйкой квартиры своим восторгом Ирина Сергеевна.

– Да проходите, проходите, Ирина Сергеевна. Мы с Петром Николаевичем вас ждём. Сейчас обедать будем, – Вера Степановна, озабоченная приготовлениями, пропустила гостью в квартиру, закрыла входную дверь.

– Здравствуйте!.. Вы представляете, вишня – вся в цвету, и, как только налетает порыв ветра, с неё этот цвет осыпается. Вокруг уже образовался белый ореол, – возбуждённо продолжала пришедшая с субботним визитом к своим друзьям Ирина. – Чем дальше от вишни, тем лепестков меньше и меньше, а на газоне под кроной – будто снег.

В прихожую вышел, приветливо улыбаясь, Пётр Николаевич – солидный мужчина с интеллектуальным лицом и манерами джентльмена.

– Ирина Сергеевна, вы сегодня особенно хорошо выглядите с этими «жемчужинами» в волосах, поприветствовал он вошедшую женщину и аккуратненько, двумя пальцами – большим и указательным, снял с её чёлки маленький белый кружочек вишнёвого лепестка. Восторженная гостья подставила невесомой «жемчужинке» ладонь и хихикнула, а Пётр Николаевич, заметивший ещё два лепестка, и их умудрился донести и положить рядом с первым. Трое взрослых людей, с умилением смотрели на трогательные белые пятнышки.

Все трое были инженерами, выпускниками одного и того же авиационного института, работали

на соседних авиационных заводах, много лет дружили, и не только благодаря схожим профессиям, но и по причине схожести жизненных взглядов и интересов.

Вера Степановна, сколько её знала Ирина, всегда была очень скромна внешне: интеллигентно и просто одета, с причёской, которую по нынешним временам и причёской назвать нельзя – просто коса, заколотая на затылке шпильками в пучок. Никогда, ни при каких обстоятельствах не видела Ирина Веру Степановну вспылившей или раздражённой и понимала, что это глубокая внутренняя культура, интеллигентность. С подругой можно было поговорить о работе, о семейных делах, о музыке, о литературе, обсудить книгу или просто газетную статью. Именно Вере Степановне в первую очередь давала Ирина, увлёкшаяся в последнее время сочинительством, городской журнал «Голоса сердец», где печатали написанные ею и другими местными авторами статьи, рассказы, стихи, и именно от Веры Степановны больше, чем от кого-либо другого, ждала отзыва. Нельзя было не уважать начитанность, литературный вкус и читательскую верность этой женщины. И в перестроечные трудные годы, и всё последнее время, когда страна уже не стала самой читающей в мире, Вера Степановна продолжала читать и перечитывать классику, знакомиться с литературными новинками и каждую среду ходить в газетный киоск за «Литературной газетой». К мнению Веры Степановны, которое всегда дополнялось суждениями, высказываниями и советами мужа, не меньше жены любившего и знавшего литературу, стоило прислушиваться.

Пётр Николаевич, внешне более яркий, по характеру – более эмоциональный, более многословный, чем жена, имел громадный круг знакомых, сослуживцев, друзей. В его орбите находилось столько имён, что Ирина Сергеевна поражалась, хотя сама в силу своей работы не была обделена кругом общения. Он много лет работал главным специалистом на авиационном заводе, имел государственные награды. В общем, это была замечательная супружеская чета. Сначала Родионовы и Шаровы дружили семьями, а теперь, когда их дети выросли и жили самостоятельно, сами Пётр Николаевич и Вера Степановна вышли на пенсию, а у Ирины Сергеевны не стало мужа, встречи были не такими частыми, как в прежние годы, но, пожалуй, более душевными. Особенно Ирина любила проведывать супружескую пару на даче, с которой они на эти выходные выбрались в город, чтобы проверить квартиру, полить цветы, сделать кое-какие покупки.

За столом разговор несколько раз возвращался к цветущей около дома хозяев вишенке, потому что впечатлительная гостья никак не могла забыть своё весеннее ощущение, сетовала на то, что нет с собой фотоаппарата, чтобы запечатлеть на снимке это городское чудо. Им, приехавшим из садового товарищества, где на каждом участке тоже уже цвели вишни, разговор о красоте природы был не менее приятен. Дачниками они были заядлыми, а Петра Николаевича можно было назвать и садоводом-экспериментатором, потому что он умел делать прививки, заложил свой собственный питомник, досконально знал, как бороться с вредителями, как правильно вести посадки. Он вырастил даже сеянцы кедра, купив в Шушенском во время своей сибирской командировки шишку. Теперь раздаренные кедровые сеянцы росли на нескольких садовых участках Подмосковья, а ещё – в Минске. Но самым интересным оказалось, что ту самую вишенку посадил именно он.

– Вот это да! – воскликнула Ирина Сергеевна. – Как? Когда?

Пётр Николаевич, уже начав рассказывать о том, как они, двое молодых специалистов поселились в этом доме, получив от завода комнату в бывшей тогда коммунальной квартире, в которой они, кстати, сейчас и обедают, вдруг поднял вверх указательный палец:

– Стоп! Мы сейчас выясним всё это точно.

Встал и вышел.

– Это он, наверное, пошёл искать свой дневник за те годы, – шёпотом пояснила Вера Степановна.

Женщины, пересев на диванчик, вдоволь посекретничать не успели. Скрупулёзный Пётр Николаевич, дневники которого не раз оправдывали потраченное на них время, выручали и помогали в разных обстоятельствах, например, когда надо было вспомнить какую-нибудь дату, подлинный ход события, а то и погоду какого-то дня из прошлого, уже входил с раскрытой общей тетрадкой за 1994 год.

Оказалось, что той ранней весной Пётр Николаевич выкопал три метровых вишнёвых побега в заброшенном саду около шоссе по дороге с работы, чтобы отвезти на дачный участок, но один прутик оставил в городе, задумав посадить его около дома. Во дворе и с уличной стороны дома растительности было много, но Петру Николаевичу захотелось внести свою лепту в озеленение.

– Как раз надо купить лопату на дачу, так что куплю, посажу вишенку, а потом отвезу лопату на участок, – решил садовод. Хотелось посадить деревце под своим окном, но там места не оказалось, и Пётр Николаевич с Верой Степановной, походив вокруг дома, присмотрели для будущей красавицы-вишенки свободную площадь с южной стороны близко к стене, которая будет защищать деревце от северных ветров. Пётр Николаевич, как всегда, заранее продумал всё, поэтому посадка шла в удовольствие. Он выкопал яму в виде куба, верхний слой чёрной земли выложил горкой справа, нижний, песчано-глинистый, лопата за лопатой высыпал слева. В процессе то и дело лопата звякала о битый кирпич или какой-нибудь камешек, оставшиеся от строительства дома. Жена-помощница аккуратно собирала находки в третью кучку, выбирая при этом из свежей земляной россыпи и стёкла. Ей, горожанке, никогда не жившей в сельской местности или в «частном секторе», как называли раньше городские районы с собственными домами, это занятие последних лет – садоводство и огородничество, казалось удивительно благодатным, умиротворяющим. Она сразу одобрила затею мужа посадить около городского дома вишенку.

Пётр Николаевич каждое дерево на садовом участке сажал в чью-то честь: антоновка называлась «Дуняшкой» в память о тёще; облепиха – «Царской фамилией», потому что выросла из поросли с дачного участка сослуживцев Романовых; груша, привезённая на дачу зятем Славой и дружно посаженная с участием семилетнего внука Славы, получила название «Дважды Слава». Городская вишенка высаживалась почти сразу же после того, как от Шаровых переехала в полученную зятем-военным квартиру семья дочери Майи, поэтому назвал Пётр Николаевич вишенку «Майская вишенка». Не «Майкина», а почему-то именно «Майская».

– Теперь твоя очередь поработать, – передавая лопату Вере Степановне, сказал «землекоп», и жена стала выполнять чёткие команды Петра Николаевича.

– Все камни и кирпичный бой бросай на дно ямы. Это будет дренаж, – распорядился он, по привычке делая пояснения.

– А теперь весь чёрный перегной ссыпай на дренажный слой горкой в центр, следом сыпь удобрение из пакета и негашёную известь, – продолжил руководить подготовкой Пётр Николаевич. Потом, одобрительно оглядев рыхлую чёрную горку с белыми включениями, аккуратно развернул полиэтилен и мокрую тряпицу, в которую был завёрнут комель саженца с корневой системой, и поставил деревце в центр ямы. Помощница расправила корешки и правой рукой взяла тоненький стволик, никак не хотевший стоять вертикально.

Рыжеватая россыпь суглинка, легко соскальзывая с лопаты, которой ловко орудовал садовод, укрывала корешки, наполняла яму. В завершение Пётр Николаевич утоптал землю вокруг вишенки, сделал невысокий вал по окружности и, удовлетворённо оглядев Майскую вишенку, сказал жене:

– Жаль, колышка не взял. Не будет у неё поддержки, придётся самой все ветры выдерживать.

– Ничего, – утешила супруга, – крепче будет! Пойдём, воды принесём. Польём нашу вишенку, и пусть растёт!

Супруги в отличном настроении, будто сделали что-то значительное, поднялись к себе на второй этаж. Вера Степановна набрала ведро воды, дала кружку Петру Николаевичу, а тот, спустившись, вернулся к вишенке, не спеша, полил любовно посаженное растение и немного постоял около него. Вспомнил, как маленькая дочка, играя в песочнице во дворе дома, игрушечной лопаточкой копала ямки и сажала в них сухие веточки, упавшие с деревьев. Как начала срывать однажды зелёные листья с росшего в их переулке куста бузины, и он долго объяснял Майе, что в городе надо беречь растения. Посмотрел на проезжую часть, на два тротуара, представив, как через месяц зазеленеют, а потом и зацветут деревья и кусты. Оглядел посаженную былинку и зашагал домой, где, перекусив, сел за свой дневник 1994 года, который через много лет поможет вспомнить, каким образом появилась у их дома поразившая их гостью вишенка.

За обедом друзья говорили о том, как летит время: деревце год за годом выросло так же незаметно, как и их дети. Супруги подсчитали, сколько же лет их Майя живёт уже отдельно, и поразились. Всё меняется. Вот и переулок за прошедшие годы стал неузнаваемым: потихоньку исчезли один за другим почти все кусты акаций, потом бузина, осталась вишенка, пара узколистых клёнов да сирень на противоположной от дома стороне. Всему виной было строительство торгового центра, который алчно захватил большую часть их переулка. В самом начале строительства жители пытались возмущаться и бороться, собирались на стихийные митинги, писали обращения с рядами подписей, а теперь с новым устройством уличной жизни смирились и даже почувствовали в этом удобство: всё, что надо купить – рядом. Вере Степановне в новом торговом облике переулка нравилось то, что здесь, после того, как женщина вышла на пенсию, она могла встретить знакомых ветеранов, своих бывших коллег-заводчан. Вера Степановна, которая всегда отличалась жизненной мудростью и стремилась к гармонии между своим внутренним миром и внешней обстановкой, даже в тех новых изменениях, с которыми некоторые «борцы» никак не могут смириться, находила полезное и положительное и считала их данностью нового времени.

Ей и в Ирине Сергеевне нравился этот интерес к изменениям и принятие нового, а ещё – какой-то неиссякаемый оптимизм и умение замечать красоту мира: природы, поступков людей, событий, чувств. По этой причине она нисколько не удивилась, когда вечером подруга позвонила и радостно рассказала, что ещё раз по дороге из гостей заглянула к Майской вишенке, чтобы полюбоваться ею. Ирина созналась, что, придя домой, сначала хотела взять фотоаппарат и пойти сфотографировать красавицу, но потом поленилась.

– Но, знаете, я всё-таки сделала портрет вашей вишенки, только поэтический. Прочитать? Послушаете? – звучало в телефонной трубке.

– Читайте, читайте! Пётр Николаеви-и-и-ч! Подойди к параллельному телефону! – сказала Вера Степановна мужу, и они стали слушать стихотворение о своей вишенке.

Автор читала распевно, нежно и взволнованно:

Майская вишенка

В переулке заблудилась –
неуместна, чуть жива,
Среди каменных громадин
нарядилась в кружева.

Паутинкой чёрной ветки
колыхнулись на ветру,
И посыпались снежинки
на прохожих поутру.

Все забыли про покупки
и про важные дела
И задумчиво смотрели,
как метель вокруг мела.

Белых маленьких кружочков
майский праздничный наряд
Нежным облаком спускался,
укрывая всё подряд.

На стоянке две машины
и булыжный тротуар
Превратились вдруг в весенний
романтический муар.

Подниму глаза к вершине –
красоте той удивлюсь,
Смелой вишенке-дивчине
низко в пояс поклонюсь.

Удивительна природа!
Не сдаётся никогда –
Пробудившейся надеждой
одаряет города.

С этого дня с Ириной произошло что-то необычное: где бы она ни проходила, везде замечала вишнёвые деревья. Вот около городской стоматологии маленькая вишня с искривлённым, каким-то жалким стволиком осыпает последние лепестки. Вот во дворе дома, рядом с новенькой, сияющей яркими красками детской площадкой, какая-то очень ладная, с чуть приплюснутой кроной вишня прячет в листьях светло-зелёные малюсенькие шарики завязи. Вишня у старой пятиэтажки соблазнила красно-бордовой ягодкой девчушку, и бабуля в вязанной крючком белой береточке тянет, тянет вверх дрожащую руку, чтобы порадовать внучку. На заводе доживает свой век вишня, незаметная среди других деревьев, старая и высоченная, уже не приносящая плодов; морщинистая кора на стволе шелушится и, кажется, потрескивает; жёлто-розовые мелкие вишнёвые листочки падают на землю, не дождавшись осени.

«А наша Майская вишенка всё-таки самая красивая!» – думала каждый раз Ирина, сетуя на то, что так и не сфотографировала её. И тут же успокаивала себя: «Ну, ладно, в следующем году».

С фотографировать вишенку не удалось. Через пару лет обстоятельства сложились так, что месяца два или три Ирина не бывала в переулке, куда выходило одно крыло дома друзей. А потом, подходя к торговому центру, неожиданно обнаружила, что на первом этаже дома друзей появился магазин. Ещё один в череде постоянно открывающихся в выкупленных и переведённых в нежилой фонд квартирах новых объектов: парикмахерских, мини-маркетов, аптек, кафе. С тротуара на всю ширину газона поднималась вверх, к дверям магазина, красивая лестница с блестящими перилами из «нержавейки», а рядом с лестницей – широкий пандус «доступной среды», чтобы можно было вкатить, например, детскую коляску. Красиво! И вдруг Ирине показалось, что в этой красоте, в этом удобстве её что-то тревожит. Посмотрев налево и направо, она ошеломлённо спросила саму себя:

– А где же Майская вишенка? Нет, ну, она же была здесь, где-то здесь, на этом газоне... Где она?

Ирина растерянно оглядела весь газон вдоль всей стены, как будто вишенка могла ходить и ушла со своего места. Вишенки не было! Женщина попыталась поймать взгляды прохожих. Ей хотелось остановить кого-нибудь и воскликнуть:

– Вы видите, видите?! Вишенки нет! Здесь была вишенка! Помните, она цвела...

Ирина Сергеевна помнила её, эту очаровательную вишенку-дивчину: ствол был наклонён немного на восток, она, такая трогательная на фоне серой кирпичной стены, стояла, будто заглядывая в окна. Как она цвела весной! «Почему я её назвала смелой? Потому что выживает в городе? А ведь природа сдаётся, отступает», – думала огорчённая Ирина.

«Вы видели, видели: вишенку срубили?!» – эти слова так и остались невысказанными. Мимо Ирины прошли две женщины, разговаривая о том, как хорошо, что здесь, рядом с торговым центром, появился фирменный обувной магазин, и стали подниматься по лестнице к большой стеклянной двери с надписью «Скидки!!!». Ирине захотелось спросить своих друзей, которые были, конечно, на даче, знают ли они, что Майской вишенки не стало. Она уже отыскала номер Веры Степановны в мобильном телефоне, но остановила себя:

«Зачем тревожить людей? Если они знают, не стоит лишний раз напоминать. Если пока не знают, то пусть подольше остаются в неведении. Интересно, кто-то ещё, кроме нас троих, помнит, вспомнит эту вишенку?»

Женщина продолжила свой путь в торговый центр и старалась забыть о погубленном дереве, отвлечься от этого образа. Может быть, возраст тому виной: смирение с происходящим всё чаще посещало её когда-то строптивую и неравнодушную натуру. «Всё равно будет, как будет. Я же на это повлиять не могу», – так она уже не раз гасила свои волнения и переживания по разным личным и глобально-общественным поводам. Люди вообще не так уж редко смиряют в себе или оставляют при себе своё несогласие с чем-то, выбирая политику отстранения от активной, неравнодушной позиции. И это, как ей казалось, не зависело от возраста: среди молодёжи было очень много индифферентных к не касающимся лично их событиям. Надо сознаться, ей приходилось иногда даже поступать в разрез со своим пониманием, со своими взглядами.

Казалось, за осень образ вишенки уже ушёл из памяти, оставшись только на странице нового поэтического сборника, но неожиданно, в декабре, вишенка «ожила» при подготовке творческого вечера Ирины. Симпатичная солистка ансамбля с красивым народно-лирическим сопрано, пожаловавшись, что в её репертуаре нет ни одной песни на стихи героини вечера, предложила прочитать со сцены какое-нибудь стихотворение из презентуемого сборника. Книга была тут же подарена певице. Ирина поразилась, составляя программу, выбором артистки и потом, в ходе вечера, с трепетным волнением следила за выступлением Ольги. Высокая, в длинном кремовом платье с мелкими бордовыми цветочками, утянутом на талии пояском, та серебристым нежным голосом под музыку читала стихотворение «Майская вишенка». В голубом ясном небе на экране цвела вишня и летели белоснежные лепестки. И это было так прекрасно... Ирина знала, что в зрительном зале сидят Вера Степановна и Пётр Николаевич, о чьей вишенке сейчас рассказывала со сцены гостям вечера артистка. За полгода друзья ни разу не разговаривали об уничтоженном дереве, как будто никто из них не знал об этом. Ещё при составлении программы, узнав о выборе Ольги, Ирина в первом порыве хотела воскликнуть:

– Этой вишенки нет уже там! Сдалась вишенка...

Тут же остановила себя:

– Нет, пусть не знает певица, пусть думает, что вишенка всё там, на своём месте «пробудившейся надеждой одаряет города».

Ирина вглядывалась в зрительный зал, аплодировавший исполнительнице, и мысленно обращалась в чёрную глубину: «Ведь, правда, среди вас нет таких, кто мог бы срубить вишенку? А теперь, после этого стихотворения, и вовсе ни у кого из вас, дорогие друзья, не замахнётся рука топором».

О том, почему люди так безжалостно вырубают, пилят, топчут, ломают, срывают эти дары природы: деревья, кустарники, травы, цветы, – Ирина, живя с детства в урбанистическом мире, стала в последнее время думать всё чаще. Она нам мешает – природа? Мешает строить дороги, дома, торговые центры? Она бездумно и эгоистично воспринимается нами как нескончаемый – во веки веков! – дар Вселенной? Глаз подмечал такое наступление на природу везде.

Как-то шла Ирина по узкому старому асфальтовому тротуарчику, в некоторых местах почти исчезнувшему, превратившемуся в тропинку. Эта дорожка вдоль городского шоссе вела из жилой части города к промышленной зоне, где располагался тот завод, на котором они познакомились с Верой Степановной и долго работали вместе. Городской пейзаж района был, вроде, привычным: машины, жилые дома вдалеке, корпуса предприятий, ветшающие постройки старинной усадьбы, остатки фруктовых садов от бывшей деревеньки и самые стойкие придорожные растения по откосам шоссейной дороги и вдоль тропинки. Что же тогда вызвало поэтические эмоции? Может, предвидение, что скоро этого здесь не будет? Нет, Ирина Сергеевна тогда ещё не знала о грандиозных планах расширения шоссе, возведения автомобильных развязок. Пожалуй, ей просто стало жалко этот уходящий, простой и милый мир голубых цветков, так долго служивший человеку, хранивший в нём ощущение родства и единства с природой.

Так и осталась в одном из коллективных поэтических сборников с символическим названием «Родники России» эта зарисовка с натуры:

Дыхание леса

Вдоль шоссе по тропинке тенистой
Прохожу, и остатки лугов
В простоте своей нежной и чистой –
Как надежда людей и богов.

Мало места теперь разнотравью:
Наступают потоки машин,
И бетоном, асфальтом, и сталью
Заменить мы природу спешим.

Но цветёт, не сдаваясь, цикорий,
Горькой дымкой волнует полынь –
Объявлю городам мораторий
И спасу ненаглядную синь:

И родник, и ромашки, и росы,
Стрекозу, комаров, муравья,
Заливные луга и откосы –
Всё, что дарит родная земля.

Может, зря на вершинах прогресса
Ищем мы для себя благодать?
Ведь потом за дыхание леса
Все богатства придётся отдать.

Ирина вспомнила, как это стихотворение передали губернатору Московской области во время акции «Лес. Посади своё дерево». Отрадно, что люди всё же просыпаются после этих жестоких лет перестройки, когда столько всего, связанного с защитой и сохранением природы, пришло в упадок, а то и перестало существовать. Было поразительно и радостно, сколько молодёжи,

молодых семей с детьми пришли на посадку леса. Героиней публикации в городской еженедельной газете стала и 93-летняя женщина, участница войны, бывшая санитаркой на фронте, которая вместе с членами одной молодёжной организации приехала сажать, восстанавливать лес. Правда, делая снимки на громадной вырубке и разбирая их потом, Ирина почему-то поразилась не грандиозностью мероприятия, не кадрами с «медийными» личностями, а одним простым фотообразом. На переднем плане была запечатлена только что посаженная сосенка высотой сантиметров тридцать с верхушечкой и тремя растопыренными в стороны игольчатыми ростками на фоне громадного пня диаметром около метра с многочисленными годовыми кольцами на спиле – пня, оставшегося от погубленной короедом (или всё-таки человеком?) сосны.

Сколько ждать, когда вырастут эти малютки? Сколько из них выживет? Но ведь растут же они, уцепились за землю эти посаженные горожанами по призыву властей сосенки. Хочется людям сохранить «дыхание леса»!

А вот Майская вишенка стала для Ирины Сергеевны каким-то символом обречённости живого. «И сфотографировать не удалось!» – всю зиму, проходя мимо обувного магазина, ругала она себя, вспоминая цветущую красавицу, её лепестки у себя на ладони и своих друзей, читающих страницы дневника о том, как они сажали эту вишенку.

Весной тепло пришло очень быстро. Снег растаял уже в конце марта, и только однажды из какой-то мрачной тучи полетели белые крупные хлопья, прикрыв уже зазеленевшую траву и многочисленные одуванчики, вот-вот готовые взорваться всюду своими ярко-жёлтыми брызгами. Полежав до следующего утра, снег бесследно исчез, и сразу поверилось, что зима попрощалась с городом. Всё оживало день ото дня, готовясь к весеннему скачку обновления.

Ирина шла с сумкой, полной продуктов, и бросила взгляд на крыльцо входа в обувной магазин, в котором решила никогда не покупать обуви за эту расправу над вишенкой. Перила по-прежнему блестели, и три восклицательных знака на объявлении о скидках всё так же заманивали прохожих...

Рядом с лестницей, слева от крыльца... (или показалось?) торчал из земли маленький, сантиметров семьдесят, прутик. Женщина, остановившись перед низким заборчиком, ограждающим периметр газона, вгляделась в этот росток. Он был блестящим, бордовым, с набухшими почками, стремящимися к солнцу. Неужели это пророс побег вишни?! Да, да! Вишенка не умерла! Она (милая! смелая!) копила силы, пробиралась там, под землёй, чтобы вновь явиться миру и людям. Они ещё не замечали эту малютку, но Ирина Сергеевна уже знала, что былинка вырастет в юную красавицу. Однажды в мае вишенка зацветёт, и полетят её белые кружочки-лепестки одарять надеждой и красотой покупателей с тяжёлыми сумками, мамочек с капризничающими детьми, ждущих каникулы школьников, поссорившихся из-за пустяка влюблённых, пенсионеров с палочками, озабоченную низкими продажами директрису обувного магазина, владельца припаркованного прямо на тротуаре автомобиля...

Она смотрела на это будущее цветущее деревце, и ей грезилось, что майские вишнёвые «снежинки-жемчужинки» падают на её поседевшие волосы, на плечи, на протянутую ладонь и дарят ей молодость и счастье.